

ЭДВАРД МОРГАН
ФОРСТЕР

Морис
Куда боятся ступить ангелы

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
Ф79

Серия «Зарубежная классика»

Edward Morgan Forster
MAURICE
WHERE ANGELS FEAR TO TREAD

Перевод с английского *М. Загота* («Морис»),
Н. Рахмановой («Куда бояться ступить ангелы»)

Серийное оформление *А. Кудрявцева*

Компьютерный дизайн *Р. Алеева*

Печатается с разрешения The Provost and Scholars of King's
College, Cambridge/o The Society of Authors.

Форстер, Эдвард Морган.

Ф79 Морис. Куда бояться ступить ангелы : [сборник] /
Эдвард Морган Форстер ; [перевод с английского
М. Загота, Н. Рахмановой]. — Москва : Издательство
АСТ, 2022. — 384 с. — (Зарубежная классика).

ISBN 978-5-17-149010-2

Роман «Морис», блистательно экранизированный в 1987 году классиком кинематографа Джеймсом Айвори, — безоговорочно самое известное произведение Эдварда Форстера. Произведение, опубликованное, однако, лишь после смерти автора. Тому есть несколько причин.

Во-первых, крайне непростая для времени написания романа основная тема — жизнь мужчины, проходящего долгий и непростой путь от осознания своей ориентации к принятию ее — через страх осуждения общества и борьбу с собственным внутренним конформистом. Во-вторых, справедливые опасения писателя за самого себя. И, в-третьих, — очень сильные биографические мотивы «Мориса», во многом буквально списанного с истории жизни близкого друга Форстера, поэта Эдварда Карпентера, и его счастливых отношений с выходцем из рабочего класса Джорджем Мэррилом, пролившихся почти 40 лет — до самой смерти Карпентера.

В сборник также вошел еще один классический роман Форстера — «Куда бояться ступить ангелы».

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

© The Provost and Scholars of King's College, Cambridge,
1907, 1971, 1984

© Перевод. М. Загот, 2022

© Перевод. Н. Рахманова, 2022

© Издание на русском языке AST Publishers, 2022

Морис

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

Раз в семестр вся школа — не только мальчики, но и трое учителей — отправлялась на прогулку. Как правило, все такими пикниками бывали довольны, ждали их с нетерпением, забывали о застарелых обидах и держались раскованно. Чтобы не страдала дисциплина, подобные вылазки совершались прямо перед каникулами — учительская мягкость уже не навредит. Вообще все было не по-школьному, а скорее по-домашнему, чаем их угощала директорская жена, миссис Абрахамс (вместе с другими дамами), особа гостеприимная, эдакая общая мамочка.

Мистер Абрахамс являл собой тип старомодного школьного директора. Успеваемость и досуг школяров его не беспокоили, хорошее питание и поведение — вот что важно. Остальное он предоставлял родителям, не сильно задумываясь над тем, сколько родители предоставляли ему. Выросшие в обстановке всеобщей мягкотелости, мальчики разлетались по привилегированным частным школам, крепкие физически, но не сильно преуспевшие в науках, и мир тут же обрушивал на птенцов первые удары. Отсутствие интереса к образованию — разговор отдельный, и в конечном счете ученики мистера Абрахамса добивались не наихудших результатов, сами становились родителями и иногда присылали к нему своих сыновей. Младший преподаватель, мистер Рид, держался тех же методов обучения, только был поглупее, а старший, мистер Даси, отличался вьедливостью и не давал школе превратиться в застойное болото. Коллеги его слегка недолюбливали, но понима-

ли — школе он нужен. В его здоровом теле жил здоровый консервативный дух, тем не менее он хорошо знал жизнь и мог оценить любой вопрос с точки зрения ученика. Он не был особенно популярен среди родителей подростков, но хорошо дрессировал первогодков, а многие благодаря ему даже вытягивали на стипендию. Еще один его плюс — умелый организатор. Мистер Абрахамс делал вид, что крепко держит поводья и отдает предпочтение мистеру Риду, однако позволял мистеру Даси действовать на свое усмотрение и со временем сделал его своим партнером.

Мистер Даси всегда вынашивал какую-то мысль. В данном случае его занимал Холл, один из выпускников, перешедший в другую школу. Мистер Даси поставил себе задачу — во время пикника побеседовать с Холлом «по душам». Коллеги возражали — от такой беседы им только прибавится хлопот. Директор намекнул, что уже говорил с Холлом, лучше мальчику на последней прогулке просто порезвиться с одноклассниками. Возможно; но если мистер Даси что-то задумал, сбить его было уже нельзя. Он лишь многозначительно улыбнулся. Мистер Рид догадывался, о чем именно мистер Даси собирается говорить «по душам» с учеником, — в свое время учителя обменялись мнениями на некую щекотливую тему. Мистер Рид тогда высказался против подобных бесед с учениками. «Уж больно тонкий лед, — сказал тогда он. — Того и гляди провалишься». Директор же ничего об этом не знал и знать не желал. Он не понимал, что его подопечные, расставаясь с ним в четырнадцать лет, уже начали превращаться в мужчин. Для него это была раса низкорослых, но уже завершивших эволюцию особей — эдаких пигмеев Новой Гвинеи, «моих детей». При этом понять их было гораздо легче, чем пигмеев, — на его глазах они никогда не женились и крайне редко умирали. Перед ним плотным строем — от двадцати пяти до сорока человек враз — проходила череда бессмертных холостяков. «От книг по педагогике нет никакого прока. Мальчишки появились на этой земле безо всякой педагогики». Мистер Даси только улыбался — что ж, не всем дано постичь процесс развития.

* * *

Ах, мальчики, мальчики.

— Сэр, можно я возьму вас за руку?.. Сэр, вы же мне обещали.

Обе руки мистера Абрахамса, равно как и мистера Рида, были захвачены в плен...

— Вы слышали, сэр? Он думает, что у мистера Рида — три руки!

— А вот и неправда, а вот и враки. А тебя завидки берут!

— Когда вы кончите препираться!..

— Сэр!

— Я пройду с Холлом.

Послышались возгласы разочарования. Другие учителя, поняв, что мистер Даси все равно настоит на своем, кликнули остальных и повели их вдоль утеса к дюнам. Торжествующий Холл подскочил к мистеру Даси, но взять его за руку постеснялся — все-таки уже не ребенок. Круглолицый паренек с симпатичной мордашкой, Холл был совершенно заурядной личностью. Этим он напоминал своего отца, двадцать пять лет назад тот тоже вышел в мир из чрева этой школы, скрылся в колледже для привилегированных, женился, произвел на свет сына и двух дочерей, а недавно скончался от воспаления легких. Он был вполне добропорядочным гражданином, но звезд с неба не хватал. Прежде чем вызвать Холла-младшего на разговор, мистер Даси навел справки.

— Ну, Холл, ждешь от меня нравоучений?

— Не знаю, сэр... Мистер Абрахамс подарил мне «Те священные поля» и тут же прочитал нравоучение... А миссис Абрахамс подарила нарукавники. А ребята — набор марок Гватемалы, почти за два доллара. Вот, смотрите! Серия с попугаем.

— Просто замечательные! Что же тебе сказал мистер Абрахамс? Надеюсь, окрестил тебя греховодником.

Мальчик засмеялся. Он не понял мистера Даси, но уловил, что тот хотел пошутить. На душе у него было легко — все-таки последний день в школе, и даже сделай он что-то не так, это все равно не зачтется. К тому же мистер Абра-

хамс им очень доволен. «Мы вполне можем им гордиться, — написал он маме, и Холлу случайно попались на глаза первые строчки письма. — В Саннингтоне он нас не посрамит». А ребята забросали его подарками, объявили смельчаком. Вообще-то никакой он не смельчак — боится темноты. Но этого никто не знает.

— Так что же сказал мистер Абрахамс? — повторил мистер Даси, когда они вышли к дюнам.

Дело пахло душеспасительной беседой... хорошо бы сейчас оказаться с ребятами... но рядом со взрослыми о своих желаниях лучше позабыть.

— Мистер Абрахамс посоветовал мне брать пример с отца, сэр.

— А еще что?

— Я не должен делать ничего такого, за что мне будет стыдно перед мамой. Тогда я не сойбюсь с пути — ведь новая школа будет совсем не такая, как наша.

— А в чем не такая, мистер Абрахамс не сказал?

— Там придется встретиться со всякими трудностями — как в настоящем мире.

— А что такое настоящий мир, он сказал?

— Нет.

— А ты не спросил?

— Нет, сэр.

— Это с твоей стороны не очень разумно, Холл. Во всем нужна полная ясность. Мы с мистером Абрахамсом как раз и должны отвечать на все твои вопросы. Как думаешь, что такое настоящий мир — мир взрослых?

— Не знаю. Я ведь еще ребенок, — честно признался паренек. — А что, там — сплошные обманы?

Этот вопрос потешил мистера Даси, и он спросил, с каким же обманом среди взрослых мальчик встречался. Тот ответил, что детей взрослые вроде не обижают, а вот друг друга дураят почему зря, разве нет? Выбравшись из кокона школьных условностей, он превратился в забавного и любознательного мальчишку. Мистер Даси прилег подле него на песок и внимательно слушал, попыхивая трубкой и глядя в небо. Небольшой морской курорт, где они жили,

остался где-то за спиной, школа скрылась в далеком далеке. День был серый и безветренный, солнце почти затерялось в облаках.

— Ты ведь живешь с мамой? — перебил вдруг учитель, видя, что мальчик разговорился.

— Да, сэр.

— Старшие братья есть?

— Нет, сэр, — только сестры, Ада и Китти.

— А дяди?

— Нет.

— То есть мужчин в твоём окружении мало?

— У мамы есть кучер, а еще садовник, Джордж, но вы-то имеете в виду джентльменов. Еще мама держит трех служанок, но они такие ленивые, что даже чулок Аде заштопать не могут. Ада — младшая из моих сестер, а вообще они старше меня.

— Сколько тебе лет?

— Через три месяца будет пятнадцать.

— Значит, ты еще молокосос. — Оба засмеялись. После паузы учитель продолжил: — Когда мне было столько лет, сколько тебе сейчас, отец рассказал мне кое-что такое, что потом очень помогло в жизни.

Неправда — ничего такого отец ему не рассказывал. Но проповедь нужно было чем-то предварить.

— Вот как, сэр?

— Хочешь знать, о чем шла речь?

— Очень, сэр.

— Сейчас я поговорю с тобой так, Морис, будто я — твой отец. И звать тебя буду по имени.

И он доходчиво раскрыл перед мальчиком тайну секса. Говорил о том, как в начале бытия Бог создал мужчину и женщину, чтобы населить землю людьми; о времени, когда мужчина и женщина обретают способность продолжать свой род.

— Ты, Морис, сейчас превращаешься в мужчину. Поэтому я обо всем этом и рассказываю. Мама тебе не расскажет, да и ты не должен касаться этой темы в беседе с ней или с другой дамой, а если об этом с тобой заговорят

ребята в новой школе, прекрати разговор. Скажи, что ты уже все знаешь. Ты слышал об этом раньше?

— Нет, сэр.

— Ни слова?

— Нет, сэр.

Продолжая попыхивать трубкой, мистер Даси поднялся и тростью стал что-то рисовать на гладкой поверхности песка.

— Так тебе будет понятнее, — пояснил он мальчику, на лице которого отражалась скука: личного опыта в этом деле у него не было.

Морис старался слушать внимательно, ведь лекция предназначалась ему одному, к тому же он понимал: вопрос серьезный и имеет отношение к его собственному телу. Но соотнести все услышанное с собой он не мог; как ни старался мистер Даси, целого из составляющих не получалось. Старался и мальчик, но тоже впустую. Его мозг еще пребывал в состоянии дремы. Половое созревание уже наступило, а интеллект отставал, и мужское начало, как и полагается, входило в него крадучись, незаметно. Бесполезно пытаться совершить этот переход одним махом. Бесполезно пытаться его описать, даже если проявить максимум такта и строго придерживаться научного подхода. Мальчишеский мозг неподатлив, его тянет назад, в летаргию, и пробуждается он не раньше назначенного часа.

Мистер Даси соблюдал и ученость, и такт. Возможно, он вел беседу чересчур деликатно, пытался сыграть на возвышенных чувствах, не понимая, что Морис либо останется полностью безучастным, либо чувственность захлестнет его ураганом. «Конечно, это докучает, — говорил мистер Даси. — Но с этим надо справиться и, главное, развеять тайну. Тогда тебе и откроется величие любви и жизни». Речь его была уверенной, он не раз проводил подобную беседу и знал, каких вопросов можно ожидать. Но Морис ничего не спрашивал, только согласно кивал: «Понятно, понятно», и поначалу мистер Даси усомнился — так ли уж все понятно? Стал спрашивать ученика — хорошо ли усвоен материал? Ответы были вполне вразумительными.

Мальчик отличался хорошей памятью и даже — удивительное существо человек! — как-то подладился под эти вопросы, так поверхность воды легким мерцанием отражает сигнальный свет маяка. В конце концов он и сам задал пару вопросов насчет секса, вопросов вполне здравых. Мистер Даси был очень доволен.

— Молодец, — похвалил он. — Больше эта тема не будет тебе докучать.

Но оставались еще любовь и жизнь. Они не спеша брели вдоль бесцветного моря, и мистер Даси коснулся этих извечных ценностей. Сначала он охарактеризовал мужчину как некую абстракцию — эдакий целомудренный аскет. Потом восславил женщину. Сам он был обручен и, воспевая женские достоинства, как-то помягчел, глаза за толстыми стеклами очков зажглись, на щеках появился румянец. Любить благородную женщину, защищать ее и служить ей — вот венец жизни, сказал он четырнадцатилетнему мальчику.

— Сейчас тебе этого не понять, но придет день, и ты все поймешь — вспомни тогда старого учителя, который тебя просветил. Мужчина и женщина — и все сразу встает на свои места, все! Ты чувствуешь, что на небе есть Бог, что в мире есть гармония. Мужчина и женщина! Как это прекрасно!

— Я, наверное, никогда не женюсь, — возразил Морис.

— Ровно через десять лет я приглашу тебя и твою жену отобедать с моей женой и со мной. Примешь приглашение?

— О-о, сэр!

Глаза мальчика засветились от восторга.

— Значит, договорились!

Закончить разговор доброй шуткой — что может быть лучше? Морис был польщен и даже стал думать о женитьбе. Но внезапно мистер Даси остановился и приложил руку к щеке, словно у него заныли зубы. Обернувшись, он взглянул на оставшуюся позади длинную полосу песка.

— Я не стер эти адские рисунки, — медленно произнес он.

С дальнего конца бухты следом за ними вдоль берега шли какие-то люди. Вскоре они должны были подойти

к тому самому месту, где мистер Даси иллюстрировал свой урок секса. Среди них была женщина. Учитель, вспотев от страха, кинулся назад.

— Сэр, там уже ничего не осталось! — крикнул Морис. — Волны наверняка все смыли.

— Господи... слава Богу... да, сейчас ведь прилив.

И вдруг на долю секунды в мальчике вспыхнуло презрение к учителю. Да он обманщик, подумал Морис. Обманщик и трус, он мне так ничего и не сказал... И все снова ушло во тьму, тьму первобытную, хотя отнюдь не вечную, на смену которой обязательно приходит болезненный расцвет.

2

Мама Мориса жила неподалеку от Лондона, на комфортабельной вилле, стоящей в окружении редких сосен. Здесь родился он и его сестры, отец каждый день уезжал отсюда на работу, сюда и возвращался. Они едва не переехали, когда поблизости построили церковь, но со временем привыкли к ней, как привыкаешь ко всему, и даже обнаружили в таком соседстве некоторые выгоды. Церковь была единственным местом, куда миссис Холл доводилось ходить — магазины доставляли товары на дом. Станция тоже располагалась неподалеку, равно как и школа для девочек, вполне сносная. Жизнь была полностью обустроена, стремиться было не к чему, и между успехом и неудачей вполне мог стоять знак равенства.

Морис любил свой дом и безоговорочно почитал маму верховной жрицей. Без нее не было бы мягких кресел, хорошей еды, веселых игр, за все это он испытывал к ней благодарность и одаривал ее своей любовью. Любил он и сестер. Когда он приехал, они выбежали с радостными криками, стянули с него пальто и бросили на пол в прихожей — подберут слуги. Приятно было оказаться в центре внимания, хвастаться успехами в школе. Домашние с восторгом оглядели марки Гватемалы, «Те священные поля» и фотографию школы, которую ему подарил мистер Даси.

После чая небо расчистилось, и миссис Холл, надев галоши, вышла прогуляться с ним вокруг усадьбы. Они то и дело целовались и безобидно щебетали.

— Морри...

— Мамочка...

— Уж теперь Морри у меня отдохнет на славу...

— А где Джордж?

— Мистер Абрахамс дал тебе просто чудесную рекомендацию. Пишет, что ты напоминаешь ему твоего бедного отца... Ну, чем хочешь заняться на каникулах?

— Я бы остался здесь...

— Ах ты, моя радость...

Она обняла его еще нежнее, чем обычно.

— В гостях хорошо, а дома лучше, это всякий знает. Да... Помидоры... — она любила перечислять, проходя мимо грядки, названия овощей. — Помидоры, редис, брокколи, лук...

— Помидоры, брокколи, лук, розовый картофель, белый картофель, — подхватил мальчик.

— Репа...

— Мама, а где Джордж?

— Ушел на прошлой неделе.

— Почему?

— Взрослый стал. Хауэлл меняет садовников каждые два года.

— А-а...

— Репа, — продолжала она, — снова картофель, свекла... Морри, давай навестим дедушку и тетю Аиду, если они нас пригласят? Я хочу, милый, чтобы эти каникулы ты провел, как душе угодно, — ты ведь оказался таким молодцом, да и мистеру Абрахамсу большое спасибо, ведь твой отец ходил в ту же школу, а потом он учился в Саннингтоне, куда и ты теперь поедешь — будешь во всем повторять путь нашего любимого папочки... — Она умолкла. Морис всхлипнул. — Морри, милый...

Из глаз мальчика текли слезы.

— Сладенький мой, что с тобой?

— Не знаю... сам не знаю...